

Лу Минсяо напоминал Сун Цзинляна даже телосложением — оба были высокими, поджарыми и крепко сбитыми. Несмотря на то, что он был еще подростком, в его плечах и спине уже угадывалась стать взрослого мужчины, так что опираться на него было надежно.

Придерживая ногу Цзян Хуайюя и одновременно неся пакеты с продуктами, он в два шага перемахнул через лужу. Пока отпирал калитку, он похлопал Цзян Хуайюя по тонкой икре:

— Держись крепче, бро. Открываю.

Толкнув железную калитку и войдя во двор, он ловко преградил путь несущемуся навстречу Хуцзи (Тигру) ногой и благополучно донес раненого Цзян Хуайюя до кресла в гостиной.

— Ты здесь всего несколько дней, а уже дважды умудрился пораниться! Мама с ума сойдет от беспокойства, когда вернется... — пробормотал Лу Минсяо, доставая аптечку и придвигая маленькую табуретку, чтобы сесть напротив Цзян Хуайюя. Без лишних слов он обхватил лодыжку Цзян Хуайюя, поднял пострадавшую стопу и устроил её у себя на колене.

Цзян Хуайюй инстинктивно попытался отстраниться.

— Я сам справлюсь.

Лу Минсяо крепко держал его за лодыжку.

— Не надо со мной церемониться. Просто расслабься, дай я гляну...

Кожа у Цзян Хуайюя и так была светлой, что уж говорить о подошвах стоп, которые почти не видели солнца. Под холодной бледной кожей просвечивали бледно-голубые вены, а свод стопы был изящно изогнут. Даже пятки молодого господина были на редкость гладкими, ощущаясь в ладони Лу Минсяо как теплый нефрит.

— Вроде бы тоже ноги, но у Ли Жуюя они воняют как банка квашеной горчицы. После баскетбола он превращается в ходячее биохимическое оружие...

Лу Минсяо достал несколько ватных палочек, пропитанных йодом, продезинфицировал рану и внимательно осмотрел сильно ушибленный большой палец.

— Просто небольшой надрыв — ноготь отрастет нормально. Всё еще болит?

Цзян Хуайюй покачал головой.

— Нет, не болит.

На самом деле всё ещё щипало, но гордый и упрямый молодой господин стойко сохранял бесстрастное выражение лица.

Из-за этой пустяковой травмы Лу Минсяо отклонил «запрос на командную работу» от Цзян Хуайюя, когда пришло время укладывать полипропиленовое полотно в маленькой ванной тем же днем. Вместо этого он назначил Цзян Хуайюя надзирателем: приготовил напитки и арбуз, поставил маленький столик в тени под перголой и усадил его там.

Цзян Хуайюй огляделся. Среди буйной зелени и ароматных цветов он чувствовал себя так, словно успешно вписался в интерьер перголы, превратившись в ещё одну красивую, но бесполезную вазу. Настроение слегка упало.

Как раз в этот момент ему по видеосвязи позвонила Цзян Лань.

Родители с обеих сторон внешне отреагировали на новость о подмененных детях спокойно, но это было результатом огромного самообладания. Они давно договорились не давить на мальчиков, не спешить их сближать и не рушить их нынешнюю жизнь. Напротив, они хотели, чтобы дети постепенно привыкли к этим монументальным переменам.

Поэтому за всё время пребывания Цзян Хуайюя здесь Цзян Лань лишь изредка присылала короткие сообщения в Вичате, чтобы узнать, как он, и старалась не расспрашивать лишнего о Лу Минсяо. То, что она наконец решилась на видеозвонок сегодня, демонстрировало незаурядное терпение.

Цзян Хуайюй ответил на звонок и поправил ракурс телефона.

— Мама.

— Сяобао, как ты проводишь время эти несколько дней? — Цзян Лань усмехнулась, заметив пышную цветочную стойку позади него. — Это парк? Ты гуляешь на улице?

Цзян Хуайюй замялся.

— ...Мама, это цветы, которые посадила мама Ли Цин.

Это была понятная ошибка. С некоторыми нежными северными цветами, когда их выращивают на юге, часто обращаются как с обычными сорняками — как, например, с несколькими яркими кустами бугенвиллеи, буйно разросшимися у него за спиной.

Цзян Лань откашлялась.

— Чем вы двое занимаетесь дома?

Не будучи уверенным, хочет ли Лу Минсяо светиться в кадре, Цзян Хуайюй просто ответил:

— Я отдыхаю в тенечке. А он делает гидроизоляцию в ванной.

Цзян Лань тихо рассмеялась. Зная, что Хуайюй помогал по хозяйству последние дни, она спросила:

— А почему ты сегодня не помогаешь?

Хуайюй не стал упоминать ушибленную ногу — всего лишь мелкая царапина, не хотелось, чтобы она подняла панику. Он просто сказал:

— Я не умею наносить герметик...

Не успел он договорить, как Лу Минсяо высунул голову из маленькой ванной и крикнул:

— Босс Цзян, ты всё равно ничем не занят. Почему бы тебе не помочь мне с домашкой на лето? Я там ни черта не соображаю.

Хуайюй: «.....»

Цзян Лань прикрыла рот ладонью, подавляя смешок.

— Видишь? Даже у Минсяо есть вещи, которые он не умеет. Вы двое... подождите-ка, а что это он не умеет?

В мире Цзян Лань дети рождались со знанием того, как делать уроки. В конце концов, она никогда не беспокоилась об оценках Хуайюя. Она никак не могла понять тот суицидальный пыл, с которым Ли Цин размахивала шлепанцем при виде горячей летней домашки.

— Ничего особенного, мам, — сказал Хуайюй. — Я не буду ему помогать.

— Цзян Сяюй! — запротестовал Лу Минсяо. — Ты бессердечный! Кто тебя сюда на закорках приволок недавно?

В ясных глазах Хуайюя промелькнула едва заметная улыбка.

— Тогда вынеси меня сейчас обратно. Я сам дойду.

Лу Минсяо выскочил из ванной, потирая руки, и наклонился, чтобы сгрести Цзян Хуайюя в

охапку.

— Сам напросился! Сейчас я тебя в ту лужу закину...

Он опустил голову и наткнулся на улыбающиеся глаза Цзян Лань. Его протянутые руки замерли в воздухе.

— Ты что, по видео с семьей болтаешь?

Цзян Лань инстинктивно поправила волосы и тепло улыбнулась ему:

— Здравствуй, Сяосяо.

Лу Минсяо, чувствуя себя немного неловко, кивнул:

— Здравствуйте.

— Мое сердце радуется, когда я вижу, как вы двое ладите, — сказала Цзян Лань, тактично завершая разговор. — Сяобао, ты планируешь остаться там еще на несколько дней? Если тебе что-нибудь понадобится, просто дай мне знать, я пришлю.

Цзян Хуайюй кивнул.

— Хорошо.

Только после того как вызов завершился, Лу Минсяо глубоко выдохнул.

Цзян Хуайюй посмотрел на него с недоумением.

— В чем дело? Мама — очень добрый и мягкий человек. Почему ты так занервничал?

— Не знаю. — Лу Минсяо уселся в другое кресло, схватил лопатку арбуза и уничтожил его в два укуса, бросив обглоданную корку псу Хуцзи. Он хлопнул в ладоши и продолжил: — Просто... когда я впервые встретил твоих... наших родителей, я подумал, что они знаменитости, понимаешь? Такая лощеная, безупречная красота, от которой мне стало немного... ну...

— Появилось чувство дистанции? — подхватил мысль Цзян Хуайюй.

— Именно, чувство дистанции, — подтвердил Лу Минсяо. — Казалось, они принадлежат совсем другому миру, нежели наша семья, хотя я видел, что они оделись максимально просто.

Цзян Хуайюй моргнул, глядя на пыль, прилипшую к одежде Лу Минсяо.

— Но ты ведь должен был быть одним из них. Это твоя законная жизнь, Лу Минсяо. Я хорошо знаю дедушку — рано или поздно он передаст дела семьи Цзян своему родному внуку. Тебе всё равно придется к этому привыкнуть.

Лу Минсяо усмехнулся, поглаживая голову собаки.

— Босс Цзян, тебе не кажется, что я веду себя как в дешевой драме? Это же как в лотерею выиграть — внезапно стать наследником богатого клана. Прямо сюжет романа про то, как бедняк становится гендиректором, да? А я тут сижу и мучаюсь. Может, я просто драматизирую?

— Но люди, которые тебя вырастили, очень тебя любят, — возразил Цзян Хуайюй. — Они не те шаблонные злодеи из книжек. Ты просто дорожишь отношениями, и у тебя развито чувство ответственности. Ты хороший человек, Лу Минсяо. Не недооценивай себя.

Лу Минсяо наклонился над маленьким столиком, придвигаясь всё ближе и ближе.

Цзян Хуайюй: «...Ты что делаешь?»

— Раз уж я такой хороший человек... — Лу Минсяо внезапно сменил тему. — Сделаешь за меня домашку?

— Просто... давай её сюда, — вздохнул Цзян Хуайюй.

— Заметано! — просиял Лу Минсяо.

Когда солнце клонилось к западу, Лу Минсяо закончил наносить последний слой цементного клея, а Цзян Хуайюй тем временем помог ему справиться с домашним заданием по физике.

Лу Минсяо пролистал страницы и ахнул.

Цзян Хуайюй: «...Что не так? Я даже старался подражать твоему почерку. Не похоже?»

— Да нет, один в один мой, просто... — в отчаянии произнес Лу Минсяо, указывая на последнюю задачу. — Ты слишком много написал! Я даже когда с ответов списываю, не осмеливаюсь столько строчить.

Цзян Хуайюй:

Он совсем забыл об этом. Помощь отстающему ученику с уроками — это тоже своего рода искусство.

Поскольку Цзян Хуайюй повредил ногу, а в общественных банях всегда людно и обстановка общая, идти туда даже в обычный день было сомнительной затеей. С открытой раной Лу Минсяо всерьез опасался, что молодой господин подцепит какую-нибудь заразу, поэтому категорически запретил ему туда соваться.

— Просто ополоснись во дворе, — сказал Лу Минсяо, размахивая садовым шлангом. — Этот шланг подключен к водонагревателю, так что теплая вода будет. Он вообще изначально для ванной предназначался. Пользуйся?

Цзян Хуайюй взглянул на стену двора. Она и вправду была довольно высокой, но мыться под открытым небом? Молодой господин колебался. Однако, вспотев и чувствуя липкость во всём теле, он не мог больше терпеть дискомфорт.

Он нахмурился в мучительных раздумьях, что заставило Лу Минсяо расхохотаться.

— Молодой господин, ты что, в аквапарках никогда не был? На некоторых аттракционах люди специально тебя водой обливают! Чего тут стесняться? Давай я тебе продемонстрирую.

Одним плавным движением Лу Минсяо стянул с себя футболку.

Цзян Хуайюй:

К счастью, бесстыдство Лу Минсяо имело границы. Быстро ополоснувшись в своих спортивных шортах и затащив Хуцзи для экспресс-мойки, он повернулся к Цзян Хуайюю.

— Твоя очередь, Босс Цзян.

Цзян Хуайюй прикинул варианты.

— Потерплю сегодня. Завтра рана уже должна затянуться корочкой...

Лу Минсяо и Хуцзи синхронно затрясли головами, разбрызгивая воду. Они уставились на Цзян Хуайюя.

— Завтра тоже не вариант! Корочку нельзя размачивать в воде!

У Цзян Хуайюя не нашлось аргументов против.

Остаться в футболке было нелепо. В конце концов, они уже видели друг друга без одежды в бане. Цзян Хуайюй пристроил больную ногу на пластиковую табуретку и проверил температуру воды, начав с волос.

Заметив, что тому неудобно мыть голову одной рукой, Лу Минсяо подошел помочь, придерживая шланг душа.

— Зажмурься покрепче. Я смою шампунь.

Цзян Хуайюй послушно закрыл глаза. В темноте Лу Минсяо осторожно коснулся его уха.

— Еще пена осталась, — сказал Лу Минсяо, и его голос с ноткой веселья прозвучал сквозь шум воды. — Босс Цзян, а уши-то у тебя какие жесткие! Бабушка Ли говорит, что люди с жесткими ушами очень решительные и после свадьбы будут главными в доме.

— Это просто беспочвенное суеверие, не имеющее научной основы, — парировал Цзян Хуайюй.

— А мне кажется, в этом что-то есть. У моей мамы уши тоже супер-жесткие. — Лу Минсяо вдруг драматично выкрикнул: — Мама!

Цзян Хуайюй:

У него возникло нехорошее предчувствие.

Открыв глаза сквозь пелену воды, он увидел, что железная дверь распахнулась. В проеме стояла пара, с удивленным восторгом взиравшая на него.

Цзян Хуайюй:

Безупречно изысканный образ молодого господина Цзян Хуайюя рассыпался на мелкие кусочки.

Почувствовав неловкость момента, Лу Минсяо попытался его утешить:

— Эм... Ну, нас же подменили после мытья при рождении. Считай, что круг замкнулся?

Цзян Хуайюй: «.....Спасибо, очень утешительная мысль. Только не повторяй её больше».